

МИКЕШИН Михаил Игоревич / Mikhail MIKESHIN

| «Они вообразили, что стали совершенно свободными» |

МИКЕШИН Михаил Игоревич / Mikhail MIKESHIN

Россия, Санкт-Петербург.
 Санкт-Петербургский Горный университет. Кафедра философии,
 заведующий кафедрой, доктор философских наук, профессор,
 директор Санкт-Петербургского центра истории идей.

Russia, St. Petersburg.
 Gorny University. Head of Philosophy Department.
 Director of St. Petersburg Center for the History of Ideas. Prof. Dr.

mic@spmi.ru

«ОНИ ВООБРАЗИЛИ, ЧТО СТАЛИ СОВЕРШЕННО СВОБОДНЫМИ»

Статья посвящена публикации и комментированию одного из характерных текстов интеллектуальной аристократической элиты — напутственного письма российского посла в Британии графа С. Р. Воронцова своему сыну Михаилу. Письмо написано в 1801 г. и содержит резкую, откровенную оценку состояния власти и общества в России того времени. Невежество и автократия приводят к развращению нации. Из этой оценки следует, как должен вести себя и строить свою жизнь молодой активный человек, стремящийся сделать карьеру на государственной службе и при этом сохранить свою честь и порядочность. Письмо отражает понимание аристократией своей ответственности и места в истории страны.

Ключевые слова: Воронцовы, письмо, интеллектуальная аристократическая культура, Россия, начало XIX века

“They Imagined They Became Quite Free”

The paper is a publication and commentaries of a special text, written by an intellectual aristocratic elite, the Russian Ambassador to Britain, Count Simon Vorontsov's farewell letter to his son Mikhail. The letter was written in 1801 and contains a sharp, straightforward estimation of the Russian rule and society of that time. Ignorance and autocracy result in corruption of the nation. From this estimation, it follows how a young active man, who strives to build his career in the civil service / government and preserve his honor and decency, should behave and organize his life. The letter reflects how the aristocracy perceived its responsibility and place in the country's history.

Key words: Vorontsov, Woronzow, letter, intellectual aristocratic culture, Russia, the beginning of the 19th century

Интеллектуальная культура России довольно привычно ассоциируется с интеллигенцией, с принципиальными противниками власти, оппозиционерами или хотя бы с людьми аполитичными, погруженными в мир науки или искусства. Порядочный человек не может поддерживать существующую власть, он просто обязан ее критиковать и осуждать. Однако приходится признать, что большую роль в интеллектуальной культуре России играли и играют те, кто не просто обслуживают властные структуры, но сами являются носителями власти. Их доктрины вовсе не всегда следует оценивать как исключительно консервативные и охранительные. Время от времени в России появляются люди, представляющие власть, но умудряющиеся сохранить при этом не только свою совесть и принципы, но и трезвое критическое мышление. Вероятно, появление таких людей связано с теми или иными особенностями «духовного климата» в стране, но здесь, мне кажется, обобщения нужно делать с большой осторожностью, поскольку они всегда опираются на априорные принципы, весьма слабо связанные с конкретными историческими и социальными исследованиями. Всегда полезно обратиться к конкретному историческому случаю, чтобы на его интерпретации проверить и уточнить свою интерпретацию тех или иных социальных зависимостей.

В качестве конкретного исторического «случая» я выбрал частное письмо российского посла в Британии графа С. Р. Во-

ронцова сыну Михаилу при отъезде последнего в Россию¹. Это тот случай, когда жизнь и деятельность требуют постоянной интеллектуальной работы, и эта работа не отделена от повседневной профессиональной деятельности. Для понимания ситуации необходимо описать ее героев и обстоятельства.

Граф Семен Романович Воронцов (1744–1832) был сыном Р. Л. Воронцова, племянником елизаветинского канцлера М. Л. Воронцова, братом княгини Е. Р. Дашковой. С юных лет он служил в армии и берег свою честь: он посчитал захват власти Екатериной незаконным, отказался изменить присяге, данной Петру III. Позже воевал с турками под командованием П. А. Румянцева и отличился, будучи уже полковником, при Ларге и Кагуле. К сорока годам он посчитал свою карьеру в армии оконченной, вышел в отставку, но Екатерина ценила одаренных людей, даже не преданных ей лично, и назначила его сначала послом в Венецию, а потом в Британию. И с 1785 по 1806 г. (кроме небольшого перерыва, вызванного самодурством Павла I) граф Семен Романович являлся полномочным министром (послом) России при королевском дворе Британии.

¹ Письмо было опубликовано на языке оригинала — французском — в XVII книге «Архива князя Воронцова» в 1880 году. Краткий пересказ его содержания по-русски см.: Удовик В. А. Воронцов. М., 2004 (Серия ЖЗЛ). С. 37.

МИКЕШИН Михаил Игоревич / Mikhail MIKESHIN

| «Они вообразили, что стали совершенно свободными» |

Брат Александр Романович Воронцов (1741–1805) начинал свою государственную службу как дипломат, при Екатерине был президентом Коммерц-коллегии, сенатором, членом Государственного совета. В 1802–1805 гг. занимал пост канцлера Российской империи. После смерти отца (1783 г.) Александр стал главой семьи и управителем огромного хозяйства Воронцовых. Он всегда был безграничным авторитетом для младшего брата, с которым постоянно поддерживал очень близкие отношения.

Екатерина Семеновна Воронцова (1784–1856) — дочь графа Семена Романовича. Она была настолько хорошо воспитана и образована, что вышла замуж за лорда Пемброка — представителя одной из самых знатных семей Англии.

Адресат письма — Михаил Семенович Воронцов (1782–1856), граф, князь, а затем светлейший князь по прибытии в Россию воевал на Кавказе, не раз отличался в войне с Наполеоном, стал героем Бородина, после войны командовал русским оккупационным корпусом во Франции, затем в течение многих лет был генерал-губернатором Новороссии и Кавказа, развивал Крым и построил знаменитый дворец в Алушке. Закончил свою карьеру и жизнь фельдмаршалом.

Надо сказать, граф Семен Романович не только старался наилучшим образом служить своей стране, но и постоянно размышлял о ее обустройстве, проблемах, несчастьях и преимуществах. Он много читал, собрал обширную библиотеку² и воспитал сына в весьма патриотичном духе. Граф, прожив в Англии почти 50 лет, усердно изучал эту страну, выяснял причины ее процветания, особенности ее устройства. Свои знания он применял на практике: в историю вошел эпизод из российско-британских отношений, когда в 1791 г. русскому послу удалось предотвратив войну между этими странами путем прямого обращения к британской прессе и публике.

Семен Романович был человеком чрезвычайно информированным в европейской политике. Это давало ему возможность сравнивать устройства и поведение различных стран, предлагать возможные изменения и улучшения в управлении и политике России. Российские монархи неоднократно предлагали ему различные должности на родине: Екатерина предполагала сделать его генерал-губернатором, Павел предлагал ему то воспитывать его детей, то стать российским канцлером. Под предлогом слабого здоровья и невозможности жить в российском климате Семен Романович отклонял все подобные предложения и до конца своих дней оставался в Англии.

Граф Воронцов оставил после себя большое рукописное наследство. Служа в армии, он обдумал и написал «Инструкцию ротным командирам»³, в которой писал, в частности: «знаю и то, какая великая разница командовать людьми, хорошо выученными и совершенно знающими долг своего звания и преисполненными благородным честолюбием. . .» Сохранилась его автобиография, посланная в письме графу Ф. В. Ростопчину в

1796 г. и впоследствии опубликованная⁴. Однако более всего мы обязаны ему огромной перепиской с родными, с друзьями, с известными политиками, учеными, военными, писателями, художниками, композиторами того времени — многих из них он знал лично, со многими дружил годами⁵.

В романе «Девятое термидора» М. Алданов так описывает русского посла:

Граф Семен Романович, высокий, красивый, преждевременно поседевший человек с усталым, болезненным, очень тонким лицом, чрезвычайно ласково принял гостя, без следов гордости и барства <...> Воронцов был такой настоящий аристократ и так это было само собой очевидно и для него самого, и для всех окружающих, что ему не приходило в голову выставлять или подчеркивать свое барство, как это часто делали Ростопчин, Зубов и много других лиц, не *настоящих* или не совсем *настоящих* <...> У графа Воронцова собиралось самое лучшее общество Лондона, но почти всегда в таком сочетании, какого не мог себе позволить ни один другой салон <...> В дипломатическом же корпусе граф Воронцов занимал первое место — благодаря счастливому сочетанию высокого личного авторитета с огромным военно-политическим престижем России. Попасть к нему на прием считалось большой честью⁶.

Предлагаемое вниманию читателей письмо написано в конце апреля 1801 г. в тот момент, когда восемнадцатилетний сын Семена Романовича Михаил отправился на родину, которую он когда-то покинул в младенчестве, чтобы поступить на столь желаемую им военную службу. Это был важное время в жизни не только семьи Воронцовых, но и в истории России. В марте был убит Павел I, на престол только что вступил Александр — именно поэтому закончилась опала графа и его сын мог поехать на родину. Семен Романович вновь приступал к обязанностям посла, его брат с его колоссальным опытом вновь понадеялся при дворе — его ждало вознесение в должность канцлера. Воронцов фиксирует в письме это ощущение перелома. Однако, он не поддается всеобщей эйфории, но смотрит на события, происходящие в родной стране, весьма трезво.

Текст выдержан в распространенном жанре напутственного письма отца при вступлении сына во взрослую жизнь и содержит вполне обычные моральные наставления: «будьте благоразумны и осмотрительны», «слушайте со вниманием, говорите со скромностью», «честь — хороший государь», «быть добродетельным лучше, чем быть богатым и могущественным». Здесь необходимо, однако, заметить, что Михаил был хорошим сыном и довольно точно следовал заветам отца, воспринимая их не как формальные фразы, а как конкретные правила жизни. Он, несмотря на участие в войнах и обширные административные обязанности, в последующие двадцать лет регулярно приезжал к отцу в Англию. Они виделись почти каждый год.

Поскольку Михаил вырос в Британии, отец посчитал необходимым описать настроение, царившее в то время в России, и

² См.: Cross A. G. Count Semen Vorontsov's Library of Russian Books in London // Solanus: International Journal for Russian & East European Bibliographic, Library & Publishing Studies. New Series. Vol. 3. 1989. P. 12–24.

³ Инструкция ротным командирам за подписанием полковника графа Воронцова 1774 г., января 17 дня, в 17 пунктах состоящая, на 13 листах // О долге и чести воинской в российской армии: Собрание материалов, документов и статей. М., 1991. С. 38–40 (избранные отрывки; полный текст см.: Военный сборник. № 11. М., 1871).

⁴ См.: Архив князя Воронцова. Кн. VIII. М., 1876. С. 1–36 (на французском языке); Автобиография графа Семена Романовича Воронцова // Русский архив. 1876. Кн. 1. С. 33–59 (перевод на русский язык).

⁵ Большая часть переписки графа С. Р. Воронцова опубликована в «Архиве князя Воронцова».

⁶ Алданов М. А. Девятое термидора // Алданов М. А. Собрание сочинений в шести томах. Т. 1. М., 1993. Часть I. XII, XIII.

МИКЕШИН Михаил Игоревич / Mikhail MIKESHIN

| «Они вообразили, что стали совершенно свободными» |

высказать свое отношение к нему. Граф уделял очень большое внимание воспитанию и образованию сына, стремился вырастить его «настоящим русским», знающим историю, политики, литературу, достижения и язык своей родной страны. Поэтому в напутственном письме важно было передать сыну именно особенности конкретного момента. Надо сказать, что граф описывает горячо им любимую родину в довольно резком тоне. Соотечественники только что вышли «из наиболее зверского рабства», под которым подразумевается правление императора Павла. Они воображают, «что стали совершенно свободными», однако не понимают, что значит быть свободным. Семен Романович поясняет, что истинная политическая свобода может быть основана только на «особой конституции», то есть на подчинении законам, одинаковым для всех. К важнейшим проблемам России граф Воронцов — на основе своего богатейшего жизненного опыта — относит «невежество», «отвратительные нравы» и унижающая «форма правления». Он не утверждает, что в огромной стране не может быть демократии, а следует придерживаться автократической, самодержавной формы правления, наоборот, он пишет: «Наша страна слишком велика, чтобы один монарх, будь он хоть второй Петр Великий, смог все делать в одиночку, управляя без конституции, без строгих законов, без установленных независимых судов». Самодержавная форма правления приводит к появлению всесильных фаворитов, перед которыми все унижаются, причает «к жадности, к чувственным удовольствиям, гнуснейшим подлостям и угодничеству». В результате в любимой стране Воронцовых живет «нация униженная, расслабленная, потерявшая великолепие и чувство долга». Однако она характеризуется «такой легкостью характера, что сразу же забыла ужасный деспотизм, от которого томилась» — как римские рабы, забывающие о своем рабстве только на время праздника.

Таким образом, граф Воронцов демонстрирует здесь пример специфического, абсолютно трезвого патриотизма, когда любовь к своей стране не только не мешает, но способствует строгой интеллектуальной оценке ее реального состояния и важнейших проблем.

Именно из такой оценки следуют указания сыну, как вести себя в России: не закрывать глаза, не прятаться, не бежать, не обливаться всех презрением, не «учить всех жить», не осуждать нравы и обычаи, но искать и находить людей порядочных, серьезных, деловых и добродетельных, опираться на помощь и советы друзей, внимательно анализировать поведение окружающих и результаты своих действий и суждений, учиться оценивать и сознательно строить свою жизнь.

Напутственное письмо С. Р. Воронцова при отъезде его сына Михаила в Россию⁷

Лондон, 3 мая (21 апреля) 1801 г.

Я думаю, нет нужды говорить вам, мой дорогой Мишель, сколь трудно мне расставаться с вами. Эта разлука очень бо-

лезненна для меня, но вашему приезду будет рад мой брат⁸, которого я люблю, как моего первого друга, как самого лучшего друга в мире, и почитаю, как если бы он был моим отцом. Я иду на это также и для вашей пользы. Ведь ваше благополучие мне дороже, чем мое собственное удовольствие, ради которого я никогда бы не расставался с вами. Я бы пренебрег долгом отца и друга (а я считаю вас другом по тому, каким разумом и характером одарила вас природа), если бы не дал вам несколько советов о том, как вам вести себя по прибытии и при жизни в той стране, куда вы направляетесь. Она совершенно не похожа на ту, которую вы покидаете, и хотя новое царствование сделало наших соотечественников счастливее, когда, выйдя из наиболее зверского рабства, они вообразили, что стали совершенно свободными и чувствуют себя, как жители других стран (ведь они не знают истинной свободы, основанной на особой конституции, какую имеет счастливая Великобритания, где люди подчиняются только законам, одинаковым для всех классов, и где человек сохраняет все свое достоинство). У нас — невежество, отвратительные нравы — как следствие этого невежества и формы правления, которая, унижая людей, лишает их всякого душевного подъема, причает их к жадности, к чувственным удовольствиям, гнуснейшим подлостям и угодничеству перед всеми могущественными людьми или фаворитами государя. Наша страна слишком велика, чтобы один монарх, будь он хоть второй Петр Великий, смог все делать в одиночку, управляя без конституции, без строгих законов, без установленных независимых судов. По самой своей природе такая форма правления приводит к появлению любимого министра, который становится великим визирем, назначающим правительство и сажающим во главе провинций своих родителей, друзей и любимцев, которые, чувствуя его покровительство и свою безнаказанность, становятся пашами. Весь двор у ног визиря, и вся империя следует его примеру. Это нация униженная, расслабленная, потерявшая великолепие и чувство долга, и в то же время с такой легкостью характера, что сразу же забыла ужасный деспотизм, от которого томилась, поскольку теперь может носить круглые шляпы и сапоги с загнутыми носами. Вы увидите, как она совершенно непринужденно заявляет, что была угрюмой, дрожащей и молчаливой, а поскольку нынешний государь добр, она считает себя по существу свободной, не помышляя о том, что сам человек может изменить свой характер, или что вслед за ним может прийти другой тиран. Нынешнее состояние страны — это лишь временное прекращение тирании, а наши соотечественники подобны римским рабам во время Сатурналий, после которых они опять впадают в свое обычное рабство.

Так будьте же благоразумны и осмотрительны, мой друг, в своем поведении и речах. Не торопитесь устанавливать связи. Избегайте, когда только можете, знакомиться, пока не узнаете о характере тех, с кем вы будете в данном случае иметь дело; поскольку, помимо опасности дурных связей, тот, кто не знает вас, судит о вас по характеру тех, с кем вы связаны. Слушайте со вниманием, говорите со скромностью и никогда не берите решительный тон, который всегда шокирует у молодого человека. Для него существуют только два случая: берясь за всякое

⁸ Граф Александр Романович Воронцов.

⁷ Архив князя Воронцова. Кн. XVII. М., 1880. С. 5–10. Оригинал на французском языке. Перевод М. И. Микешина. К письму приложено несколько страниц, в которых С. Р. Воронцов подробно описывает, как и с кем его сын должен встретиться в России и кому он должен передать рекомендательные письма. Это приложение в данной публикации опущено.

МИКЕШИН Михаил Игоревич / Mikhail MIKESHIN

| «Они вообразили, что стали совершенно свободными» |

честное, добродетельное и милосердное дело и отказываясь решительно от какого-либо участия в деле бесчестном, если бы его вам предложили или хотели в него вовлечь; ведь честь — хороший государь, и лучше пожертвовать всем, чем ее потерять.

Приобретите привычку размышлять вечером о том, чего вы достигли за день; это лучшее средство понять сделанные ошибки и как их избежать в будущем. Я бы желал, чтобы вы привыкли вести дневник всего, что вы видели или слышали замечательного и что вы думаете об этом; вы увидите через 5–6 лет прогресс вашей способности истинного суждения, и как то, что нам казалось правильным и хорошим, больше не таково, поскольку, при тех же принципах чести, появилось больше опыта и суждения стали более зрелыми.

Не вините ни нравы, ни обычаи, которые вас будут шокировать, поскольку нравам довольно не подражать, если они плохи; не будьте критиком их — что не пристало молодому человеку, — особенно тех, что вошли в привычку. Каждая страна имеет свои нравы и обычаи, зависящие от климата, управления и образованности. Изменить их не в наших силах. Будьте вежливы со всеми, внимательны и уважительны по отношению к людям пожилым или выдающимся своими талантами, а также оказанными отечеству услугами, к тем, кто известен своими добродетелями. Постарайтесь научиться всему, что касается этой страны, всему, что нельзя узнать иначе, как часто встречаясь с теми, которые ее хорошо знают и которых вы должны слушать внимательно. В любой ситуации не пренебрегайте возможностью оказать услугу, сделать добро тому, кто честен и несчастен, всякий раз, когда вы достаточно удачливы, чтобы быть в состоянии это сделать; ведь это невыразимое удовлетворение — иметь возможность сделать счастливыми и довольными тех, которые этого достойны.

Я вам уже говорил много раз со дня смерти Павла I и еще раз повторяю, мой друг, что не хочу мешать той служебной карьере, которую вы хотите избрать, но я советую вам не принимать никакого решения, не обсудив его с моим братом, в котором вы найдете второго отца, но отца более просвещенного, знающего досконально, лучше всех в мире страну, в которую вы едете, он всегда даст вам самые полезные советы: спрашивайте его обо всем, когда только будете с ним рядом, а если вы вдали — спрашивайте письмом. Он относится к вам и вашей сестре так, как будто вы его собственные дети, и это истинное счастье для нас всех иметь главу семьи столь просвещенного, добродетельного и ученого, который любит нас с такой нежностью.

Так советуйтесь же с ним всегда и следуйте его советам; пользуйтесь счастьем иметь такого руководителя, который столь глубоко мудр в делах внешних и внутренних, который обладает таким общепризнанным благоразумием и таким просвещенным разумом, что покойный князь Безбородко⁹ считал необходимым консультироваться с ним в самых серьезных делах. Когда вы не будете рядом, пишите ему каждой почтой, рассказываете ему обо всем, что вы делаете, что с вами происходит, и просите его совета, которому прошу вас следовать. Когда вы будете от него далеко, всегда обращайтесь к моим хорошим и

преданным друзьям — графу Кочубею¹⁰ и господину Роджерсону¹¹. Они мне бесконечно привязаны, чему имею самые убедительные доказательства, которые никогда не забуду; они будут счастливы провести вас самым верным путем через лабиринты царского дворца и двора. Барон Николаи¹², мой друг в течение 39 лет, у которого вы остановитесь, тоже даст вам хороший совет. Если его нет в городе, обратитесь к г-ну Рындину¹³, он предоставит вам комнату в своем доме. Будете вы жить в его доме или нет, заходите к нему почаще. Я рассказывал вам о том, что он сделал и продолжает делать для меня; он очень надежный друг. К этим четырем людям вы должны иметь наибольшее почтение и обращаться во всех важных случаях; вашего дядю поможет вам найти г-н Рындин. Поскольку вы не едете на родину, чтобы только развлекаться и проводить время со своими ровесниками с их балами, зрелищами и другими увеселениями, но едете, чтобы узнать свою страну, семью и определить свои ценности, чтобы посоветоваться со своим дядей о будущей карьере, и какой бы она ни была, она потребует, чтобы вы старались хорошо знать и точно выполнять свой долг. К счастью для вас и для меня, Бог дал вам здравый рассудок и спокойный, уравновешенный характер; я также уверен, что вы не будете подражать молодым людям вашего возраста, которые только и думают об удовольствиях, и чем меньше вы будете иметь с ними дело, тем более будете в результате счастливы. Не пренебрегайте занятиями математикой, которые вы уже так хорошо начали, продолжайте их при малейшей возможности. Дружите с г-ном Новосильцевым¹⁴, который едет вместе с вами: он человек полезный и светлая голова.

Поскольку я стар и слаб, я не знаю, буду ли иметь счастье увидеть вас или умру до вашего возвращения. Будьте отцом вашей сестре¹⁵, вы знаете, какую нежность она испытывает к вам и какой у нее прекрасный характер. Здоровье никогда не позволит ей жить в таком суровом климате, как в России. Впрочем, воспитанная в других принципах и правилах, чем принято у нас, она стала бы самым несчастным созданием, если бы имела несчастье у нас жить, даже если бы здоровье ей это позволило; существует также договоренность между мной и моим братом, и именно он мне ее первый предложил. Итак, когда я умру, она останется с м-ль Жардин¹⁶ в Англии, где я ее рекомендую че-

¹⁰ Кочубей Виктор Павлович (1768–1834) — граф, затем князь, вице-канцлер при Павле, при Александре — член Государственного совета и Негласного комитета.

¹¹ Роджерсон Джон (Иван Самойлович, 1741–1823) — шотландец, лейб-медик Екатерины II, почетный член Петербургской академии наук; давний друг братьев Воронцовых, его письма к С. Р. Воронцову являются очень ценным источником информации о придворной жизни в России его времени.

¹² Николаи Андрей Львович (1737–1820) — барон, государственный секретарь при Павле I, в 1798–1803 гг. президент Петербургской Академии наук.

¹³ Рындин Кирилл Степанович (1754–1809) — полковой товарищ С. Р. Воронцова, впоследствии сенатор.

¹⁴ Новосильцев Николай Николаевич (1761–1838) — член Негласного комитета, президент Императорской Академии наук (1803–1810), граф (с 1833 г.); возвращался домой, прожив в Англии время правления Павла.

¹⁵ Графиня Екатерина Семеновна Воронцова, в замужестве Пемброк (Катенька).

¹⁶ Наставница Екатерины Семеновны Воронцовой, получившая воспитание в России.

МИКЕШИН Михаил Игоревич / Mikhail MIKESHIN

| «Они вообразили, что стали совершенно свободными» |

тырем лучшим моим подругам в этой стране — леди Пемброк, г-же Робинсон, леди Спенсер и леди Дандэс. Они помогут ей своими советами вместе с м-ль Жардин, которая очень дружит с Катенькой, очень ей предана и не покинет ее. Эти пять женщин, все мои близкие подруги, нежно любящие вашу сестру смогут хорошо ее здесь устроить, а вы исполните, я уверен, совершенно точно указания, которые дал мой брат относительно ее приданого. Любите свою сестру, которая столь заслуживает дружбы и предана вам и сердцем, и душой.

Пишите нам как можно чаще, не лишайте нас этого утешения в той печали, в которой мы пребываем из-за разлуки с вами.

Прощайте, мой дорогой сын, прощайте, друг мой. Помните, что быть добродетельным лучше, чем быть богатым и могущественным, что порядочность и честь служат твердым основанием совершенному счастью и что с чистой совестью и достойными друзьями вы всегда будете утешены в любых возможных несчастьях.

Развивайте свой разум и применяйте его всегда для добрых дел. Прощайте еще раз. Я даю вам мое благословение из самой глубины души и остаюсь, насколько могу надеяться, вашим истинным другом

С. гр. Воронцов

Священник Яков Смирнов¹⁷, много сделавший для воспитания Михаила, при отъезде его из Лондона положил в коляску «Историю Шотландии» — сочинение знаменитого шотландского историка У. Робертсона для чтения «в забаву и для препровождения времени»¹⁸.

Аристократы граф С. Р. Воронцов и его сын ни минуты не сомневались, что они должны служить России, несмотря на то, что состояние ее и порядки в ней им чрезвычайно не нравились. Они понимали свой долг как ответственность за свою страну и ее историю. Их жизни, жизни их друзей, партнеров и врагов, их семьи, собственно, и есть для них история России. Сегодня такое поведение и понимание, которое когда-то было вполне сословным, мы оцениваем как набор определенных личных качеств.

Дворянская интеллектуальная элита очень часто высказывалась не в печатных, а в рукописных текстах, основную часть которых составляли именно письма. Большая часть их еще не опубликована и даже не прочитана исследователями, таким образом, огромные пласты интеллектуальной культуры российского дворянства еще ждут своего изучения.

¹⁷ Смирнов Яков Иванович (1759–1840) — малороссийский дворянин, священник посольской церкви в Лондоне, протоиерей (1817); был близким помощником С. Р. Воронцова. Его брат Иван также служил при посольстве.

¹⁸ Архив князя Воронцова. Кн. XVII. М., 1880. С. 18.

